

УДК821.161.1-31
ББК84(2Рос=Рус)6-44
М97

Все персонажи выдуманы, а совпадения случайны.

Мэб, Каролина

М97 Девчонка БЕСпредела / Каролина Мэб. — Москва :
Издательство АСТ, 2020. — 224 с. — (Любовь на все вре-
мена).

ISBN 978-5-17-121240-7

«Девчонка беспредела» — гламурно мистический роман для взрослых, поражающий своим не женским юмором. Откровенное глумление над современными реалиями и «зашифрованный» путеводитель по светской тусовке.

Герой нашего времени — успешный торговец яхтами и заядлый тусовщик г-н Чабурадзе. Главная героиня — истеричная, равнодушная к алкоголю содержанка Даша. Эта гротескная история — термоядерный коктейль из мистики, детектива, любви и беспощадного юмора. На страницах романа пересекаются судьбы чудаковатого Олигарха, который не любит секс, неудачливого сериального актера и далекого от народа «народного» депутата.

Автор книги — писатель, актриса, модель Каролина Мэб — обещает: вы будете смеяться до колик.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-121240-7

© Текст. Каролина Мэб, 2019
© Оформление
ООО «Издательство АСТ», 2019

Мужчине, которого люблю.

Стасу — человеку, открывшему мне другой мир. Родному и близкому, несмотря ни на что и НАВСЕГДА. «Братишке», советчику, другу...

Одна из уловок жизни — связывать последние вещи с первыми, соединять самое сокровенное с самым поверхностным, чтобы поклонники реальности, геометры бытия, ретивые умельцы — ох какие ретивые! — покачали головой и не поверили в эту связь, они ведь думают, что так быть не может...

Эрих Мария Ремарк. Гэм

Ночь была поздней, парижской и темной.

Гости именитого отеля тщетно пытались уснуть.

Барышня в номере 317 истерически всхлипывала и требовала ответа на вопрос: «На что она потратила пять лет?» По всем признакам, внятного ответа ей дать не могли, и всхлипы то и дело перерастали в рыдания. А рыдания — в истерический вой, который прерывался опостылевшим вопросом, а вопрос — очередной порцией всхлипов.

Барышня была симпатично-ненатуральной. Со всеми прилагающимися к образу атрибутами: фальшивой, но дорогой блондинистостью, длинными и, что немаловажно, идеально прямыми ногами, доставшимися от мамы, акриловыми ногтями и «дикоорхидеистым» бюстгалтером, которым эта барышня уже двадцать минут размахивала перед носом ошалевшего оппонента. Она любила клейменные брендами шмотки, «новиковские» рестораны, пафосный Cristal и «ремарковский» кальвадос. Обожала амбициозную Москву и романтичный Париж. С легкостью сочетала непомерные желания и всеобъемлющую лень. В мужчинах ценила ум и успешность, а в женщинах умение вовремя устраниваться. Как и все содержанистые красавицы, знала, что штамп в паспорте — счастьем не помеха, а конкуренток своих, надо если и не любить, то уважать, за общность интересов и многотерпение. Проспонсированно улыбалась и проспонсированно стонала, делила людей на «лохов» и «нелохов», любила себя и позволяла другим делать то же самое.

Звали барышню Дарьей. Больше всего в этой жизни Даша ненавидела работу, впрочем, ее у нее и не было. Никогда.

Ответственность за нехитрое Дашкино содержание, состоящее из салонов, соляриев и шопинга, уже лет пять как взял на себя мужчина ее мечты — подпольный олигарх и явный параноик.

Олигарх был похож на аллигатора и, мучимый геморроем, неврозом и остеохондрозом, в свои неполные тридцать восемь секс любил только на словах. Личностью он был харизматичной: людей боялся и недолюбливал, ничему не удивлялся, а, выезжая на историческую родину в Тамбов, выкупал пару вагонов, дабы иметь возможность ехать одному. Мэр Тамбова думал, что едет Ким Чен Ын, и оцеплял здание вокзала. Папа Олигарха краснел и спасался от любопытствующих за двумя железными дверями у себя в квартире. Деликатные коллеги отца, опасаясь оскорбительного слова «идиот» и категоричного дополнения «полный», робко интересовались: «А сын у вас немного странненький, да?»

Дашка была одной из немногих, кто Олигарха почти любил. Он такое выражение чувств ценил и отвечал ей взаимностью: водил в рестораны, покупал туфельки, колечки, шубки и даже (!) брал ее с собой за границу. Последнее приравнивалось к подвигу: ночное общество темпераментной Дашки он выдерживал с трудом, и в преддверии секса настойчиво просил подругу «не спешить». Дашка боялась, что Олигарх передумает, и удваивала скорость.

Помимо Дашки, таких же любовниц у Олигарха мечты было три. Точнее, две плюс жена. Дарья ставила на собственную молодость, красоту и умение ждать. Она ценила любовника за редкое чувство злобного юмора, незаурядный ум, терпение к собственным выкрутасам и возможность существовать не работая.

Годы летели незаметно, и любимой фразой в постели у Олигарха мечты стало: не «не спеши», а «давай перенесем это на завтра». Однажды, темной поздней парижской ночью, в номере 317 Дашка отчетливо осознала, что Олигарх мечты никогда на ней не женится, никогда не уполовинит количество любовниц и никогда не полюбит секс. Пониманию способствовали бутылка Louis Roederer Cristal, выпитая в «Guy Savou» и кальвадос в мини-баре. Алкоголь внутри Дашки плакал, жалел себя, топал ногами и мечтал отомстить...

— Не хочу больше сидеть на «скамейке запасных»! — орала Даша.

— И где ты собираешься играть? — философски уточнил Олигарх.

Он был умным и знал, что безработной и не вылезавшей из квартиры барышне найти спутника жизни даже при очень выгодных внешних данных крайне тяжело, если не сказать — нереально. Тем более что просто спутника Дарья не искала, она искала второго Олигарха...

— Да где угодно! Что думаешь, желающих мало?! — взвизгнула Дашка.

— Ну например? — подначивал Олигарх.

— Думаешь, ты единственный миллионер в Москве? Самый красивый, молодой и умный? — то ли уточнила, то ли попыталась разуверить его Дарья.

— Ну так кто? — не сдавался Олигарх.

— Вот! — Дашка вцепилась в раскрытый журнал «Yachts», лихорадочно подыскивая объект. Ее горящие, полные праведного гнева глаза сканировали страницу. Молодой, богатый, неженатый нашелся только один.

— Да хоть бы и Чабурадзе! — с вызовом бросила Дарья.

— Кто? — переспросил Олигарх.

— Чабурадзе Григорий Зурабович, — уточнила Дарья, с трудом справляясь с произнесением прочитанного.

— Правильно! А Чумбаладзе тебе в грызло даст, когда завтрак забудешь подать! — обрадовался Олигарх.

— Не Чумбаладзе, а Чабурадзе, — оскорбилась за объект Дарья. — И вообще, это он тебе в грызло даст, когда приползешь обратно проситься.

Олигарх недобро засмеялся. Дашка подхватила чемодан и вылетела из номера. Он догнал ее у лифта и попытался всучить толстую пачку столлларовых купюр.

— Это пока Чеботаридзе не завоюешь!

— Не нужны мне твои деньги поганые! — взвыла Дашка, засовывая банкноты в сумочку от Gucci.

— Долетишь — позвони.

Олигарх попытался ее поцеловать.

— Чабурадзе позвоню! Я теперь во вражеском лагере! Забыл? — Дашка показала Олигарху язык, и лифт унес ее в новую жизнь.

Владелец заводов, газет, пароходов Григорий Зурабович Чабурадзе попался на первую же sms. Дарья без труда добыла номер его мобильного и написала что-то игривое

КАРОЛИНА МЭБ

и остроумное. На составление незамысловатого текста ушла минута, на ответ Чабурадзе — пятнадцать. Абонент кадрился, хвастался домашними акулами и бравировал суммами, выделяемыми на содержание любовниц. Дашка понтовалась Олигархом и ролью «подай-принеси» в дешевом ситкоме. Точка соприкосновения была найдена.

— Григорий и Дарья — это судьба! У меня так первую любовь звали, — размечтался владелец заводов, газет, пароходов.

На ознакомительное свидание господин Чабурадзе приехал во фраке, обвешанный «понтами» и брендами. Спрятался за здоровенный мусорный бак и стал ждать. Барышня могла оказаться «неформат», и Григорий Зурабович хотел успеть незаметно свалить.

Дарья тоже выходить боялась. Ей виделся здоровенный кавказец, с длинным носом и большим животом. В Дашкиных фантазиях он все-таки «давал в грызло».

Любви с первого взгляда у Дарьи и Чабурадзе не случилось. При всей «голубоглазости» и аккуратности носика, что-то в объекте спора Дашку смущало. Разговор в ресторане не клеился. Чабурадзе мерещились вражеские агенты. Дашка нервничала, пила и «сливала» общих знакомых. В душе Григория Зурабовича нарастало беспокойство и крепла уверенность, что Дарья заслана к нему шпионить.

К концу вечера Дашка окончательно «расслабилась» и зарыдала на плече у Чабурадзе. Она вспомнила Олигарха мечты, с тоской представила не поданный завтрак и себя, в объятиях нового знакомого. Вместо заводов, газет, пароходов ей почему-то упорно виделись рынки и «Дэвушка, красавица! Купы апелсын!».

Возле Дашкиного дома Чабурадзе, опасливо озираясь, покинул свой бронированный «катафалк» и попросился в гости. В трезвющем мозгу Дашки начали зарождаться причины для отказа:

— Домработница не приходила неделю, — была первой.

— Я не блядь, — второй.

— Не пуцу, даже зная, что приставать не будешь, — Дарья попыталась отшутиться.

— Буду! — проникновенно глядя в глаза, заверил Григорий.

Так владелец заводов, газет, пароходов остался за плотно закрытой подъездной дверью и засеменил назад в «катафалк».

Мужчина без будущего

Ночью Дашка вспомнила про пари и финансовые трудности и написала Чабурадзе sms. Так между ними завязалось некое подобие игры. Sms-ки оппонента радовали остроумным содержанием, скоростью мысли и разнообразием предложений. Умных мужчин Дарья ценила, но еще больше в тот период ее мысли и чувства занимал отнюдь не Григорий.

«Народный артист» Тубеленький играл в «театре одного актера», о театре том знал только он сам да пара пенсионеров, игравших с ним в паре. В холле театра, очень похожего на детсад, висели фотографии ведущих артистов: трех старичков, дамы неопределенного возраста и самого Тубеленького. Каждое утро, приходя в театр в легком подпитии, «народный артист» привставал на носочки и целовал собственный портрет. Следом за ним бежала стайка девиц лет восьми и, подставляя табуретки, проделывали тот же маневр. «Девочки-ромашки» из соседней школы были самыми преданными и единственными поклонниками творчества актера.

К известному продюсеру со схожей фамилией Бельенький, отношение Тубеленький имел только косвенное, но страстно мечтал приходиться ему родней. Пусть даже далекой и не очень любимой.

Однажды, будучи в сильном подпитии и находясь на приличном расстоянии от земли, Тубеленький все же прорвал кордон из ошарашенных стюардесс и покинул заслуженное место в хвосте самолета. Стремился «народный артист» в бизнес-класс, в котором восседал Именитый Продюсер.

Тубеленький пошатнулся, набрал в легкие побольше воздуха и заплетающимся языком произнес:

— Здравствуйте, я ваш...

Продюсер вздрогнул и вжался в кресло. Он испугался, что молодой человек, так трогательно придерживающийся за шиньон рядом сидящей дамы, произнесет слово «сын».

— ...актер! — продолжил Тубеленький, — я снимаюсь у вас в сериале. В сериале «Мужчина без будущего».

КАРОЛИНА МЭБ

— Актер? — продюсер вздохнул с явным облегчением. — А кого играете?

Вспомнить Тубеленького он почему-то не мог, хотя подбором актеров заведовал лично.

— Ну, я этого играю. Как его. С десятого этажа...

Тубеленький отчаянно вращал глазами, силясь вспомнить имя героя и, вероятно, ожидая, что продюсер ему подскажет.

— Ладно, не важно! — он дружески похлопал вынужденного собеседника по спине.

— Главное, у меня там роль. От двух до трех минут в двадцати трех эпизодах в шестнадцати сериях! Меня даже старушки у подъезда узнают!

— Рад за вас, молодой человек. Завидная карьера! — кашлянул продюсер и осторожно перевернул страницу сценария. Он был вежливым и откровенно послать «мальчика-звезду» не решался.

— Пожалуйста. Я хотел попросить вас, — с трудом борясь с приступом дурноты, продолжил не понимающий намеков Тубеленький. — Я хочу попросить вас подвезти меня до метро!

— И это всё? — Очки именитого продюсера полезли на лоб.

— Да! Подвезете? — обрадовался парень.

— Подвезу, — выдохнул продюсер и попросил стюардессу принести нюхательную соль.

Из общих интересов у нашей героини и «народного артиста» имелись: любовь к горячительным напиткам да дешевый ситком, где Тубеленький играл идиота, а Дашка блондисто-идиотский объект его обожания.

Обычно на съемочную площадку Тубеленького вносили, на ходу натягивали на него штаны и суфлировали текст. Дашка «вплывала» сама и, кокетливо откидывая накладные пряди, хлопала нарощенными ресницами в сторону «любимого». Вскоре у них завязался роман. Это «вскоре» пришлось на момент расставания с Олигархом и знакомства с Чабурадзе.

Лимит исчерпан

Спустя месяц переписки Григорий Зурабович притомился. Его сообщения стали напоминать ежедневный бухгалтерский отчет:

- Спишь? — уточнял он часа в два ночи.
- Ага, — соглашалась Дашка, независимо от правды.
- Жаль, — дописывал Чабурадзе и ставил «попсовую» слезку.

Так продолжалось еще месяц, пока однажды политкорректный Григорий не написал лаконичное: «Лимит исчерпан» — и не ушел в глухое подполье.

После этого засуетилась Дашка. Упражняясь в остроумии, она отправляла бесконечные sms, mms, e-mail. Ответ варьировался от тишины до редких ночных звонков. Иногда Чабурадзе грозился перехватить Дарью после посещения очередного «злачного» места, но обычно натусовавшаяся Даша умудрялась заснуть задолго до приезда «объекта». Неожиданно вернувшийся в Дашкину жизнь Олигарх мечты не упускал возможности бывшую любовницу подколоть:

- Как там Челабургадзе? Еще не повесился?

Дашка бесилась и атаковала с удвоенной силой: вычисляла места пребывания «объекта» и устраивала нетривиальные сюрпризы. Чабурадзе глумился, перезванивал и обещал приехать в шесть утра. Нагламуренная Дашка, освоившая всю европейскую кухню и перешедшая к грузинским национальным блюдам, засыпала на столе и утром грозилась вруна Чабурадзе кастрировать и скормить пресловутым домашним акулам.

На легендарных «Одноклассниках» Чабурадзе скрылся за пафосно-претенциозным «Grigorio». Впрочем, Дарье это не помешало найти его. Старшая сестра злилась и не подпускала Дашку к компьютеру. В отместку Дарья натаскала маленькую племянницу и первым произнесенным ею словом стало «Чабурадзе», после чего позвонила Grigorio в офис и попросила ребенка позвать «папу Чабурадзе». Благо, свободного времени у бездельницы Дашки имелось в достатке.

Сестре понадобился месяц на то, чтобы уговорить мужа не убивать Григория, и еще два — на доказательство собственной верности.

Однажды Чабурадзе-Grigorio сдался и пригласил Дашку в гости. К моменту прочтения злополучной sms с его домашним адресом Дарья успела:

- напиться,
- поругаться с Олигархом
- и забыть, что ей, собственно, от Чабурадзе нужно.

Несмотря на всю неблагоприятность сложившейся ситуации, упускать ТАКОЙ шанс не хотелось...

К дому Чабурадзе полувменяемую Дашку привез таксист и с рук на руки передал обалдевшему Григорию. На подходе к квартире Дарья потребовала подтвердить, что «девичья честь» останется нетронутой и Григорий-Grigorio не станет домогаться ее нетрезвого тела. В ответ оскорбленный в лучших чувствах Чабурадзе попросил «пьяное тело» не обольщаться, заверив, что секс с ним не светит Дарье при любом, даже самом благоприятном раскладе, да и вообще, домой к ней в четыре утра приперся не он.

К моменту окончания диалога им обоим очень хотелось друг друга прибить. Не радовал даже приобретенный «беспостельный иммунитет»...

«Теперь если не пристанет — я сама не хотела», — утешала себя Дашка.

«Теперь если не даст — я и не напрашивался», — злорадствовал Григорий.

Часть ночного приключения разом утратила пикантность...

Чабурадзе ночной в глазах нетрезвой Дашки сильно отличался от Чабурадзе дневного, прошлоразового. Отличался, надо заметить, в лучшую сторону. Данное обстоятельство Дашку бесило: «Одно дело — оставлять у подъезда перепонтованного представителя Кавказа, вместо которого тебе мерещатся баксы и евро, и совсем другое — сидеть напротив симпатичного парня, глядя на которого вместо денежных знаков ты видишь пронзительные голубые глаза. Смотришь и жалеешь, что так по-дурацки отказалась от того, чего тебе даже не предлагали».

Время шло. Дашка пила чай и молчала. Григорий тоже. Он ждал объяснений. Она — возвращения денежных знаков. Знаки возвращаться упорно не желали, и вместо них на нее

по-прежнему смотрели пронзительные голубые глаза, в которых застыл немой вопрос. Точнее, даже два: «Че надо?» и «Че приперлась?». Затуманенный алкоголем мозг ответов не находил, и Дашка попросилась в ванную умыться. У зеркала, в виде аутотренинга, она попыталась вспомнить все неприятные эпитеты, которыми обладателя глаз наградила «поставщик» телефонного номера. И то, для чего она, собственно, приехала. Вспоминала, естественно, вслух.

Чабурадзе приложил ухо к двери. Предположить, что барышня — законченная дура, ему мешала врожденная воспитанность, оставались происки врагов. Выходило, что Дашка все-таки сливает информацию.

Дарья, пошатываясь, выползла из ванной.

— С кем разговаривала? — закинул удочку Чабурадзе.

— Сама с собой. НЛП! — покраснев, выдала заумное слово Дашка.

«Врет», — обрадовался Чабурадзе, а вслух с деланным равнодушием заметил:

— Все равно утром камеру просмотрую.

— Какую камеру? — не врубилась Дашка. В эту секунду аутотренинг заработал, и слова «С ним неудобно и находиться рядом тяжело, и вообще, человек он сложный и не самый приятный» обрели реальную форму. Теперь ей действительно стало неудобно и страшно.

— Обычную, — радовался произведенному эффекту Чабурадзе, — там, в ванной, рабочие установили. Утром прослушаю и просмотрую.

«Слушай что хочешь, моральный урод», — мысленно осклабилась Дашка и уткнулась носом в чашку с остывающим чаем.

— Но если сама все честно расскажешь, я смотреть не стану. Обещаю! — поспешил продемонстрировать широту души Чабурадзе. И Даша рассказала.

Так Григорий Зурабович узнал о себе много нового, того, о чем втайне догадывался, но признавать не хотел. Надо ли говорить, что от полученных знаний симпатии к Дашке в душе Grigorio не прибавилось. Об эмоциях, переполнявших гостеприимного хозяина, Дарья догадалась, взглянув ему в лицо. Догадалась и тихонько заплакала.

— Что, правда, со мной так неудобно? — осторожно уточнил Чабурадзе, глядя на плачущую гостью.